Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Том 17. № 3.
Law. Journal of the Higher School of Economics. 2024. Vol. 17, no 3.

Научная статья
УДК: 347; 347.44
JEL: K15
DOI:10.17323/2072-8166.2024.3.84.105

Категория «слабая сторона гражданского правоотношения» в условиях цифровизации

Алексей Александрович Волос

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия 101000, Москва, Мясницкая ул., 20,
volosalexey@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-5951-1479.

Аннотация

Статья посвящена ключевым вопросам квалификации субъекта, использующего цифровые технологии для целей возникновения, изменения или прекращения гражданских прав и обязанностей, в качестве слабой стороны таких отношений. Целью исследования является рассмотрение особенностей категории «слабая сторона гражданского правоотношения» и ее потенциальное правоприменительное значение в связи с происходящими в настоящее время процессами цифровизации общества. Для достижения этой цели автор в первой части работы рассматривает общие вопросы понимания слабой стороны в частном праве, во второй части — специфику защиты слабой стороны в цифровой среде. Далее в рамках исследования анализируются проблемы охраны интересов слабых субъектов в отдельных отношениях в цифровой среде (в сделках по поводу цифровых прав и иных цифровых активов, объектов интеллектуальной собственности, в корпоративных отношениях). Сделан вывод, что сущность и признаки слабой стороны должны определяться критериями, отличными от специфики статуса. Слабость субъекта складывается из трудности осуществления конкретного субъективного права или ряда субъективных прав в рамках определенного правоотношения. Основой гарантированности механизма охраны интересов слабой стороны в онлайн-пространстве должен стать критерий транспарентности, заключающийся в том, что порядок заключения и исполнения договоров, содержание публичных оферт, возможные механизмы расторжения и прекращения договорных отношений должны быть открыты и понятны. Кроме того, любой участник таких отношений должен иметь доступ к необходимой по договору информации. Сделан принципиальный вывод о назначении правил о договоре присоединения для целей охра-

© Волос А.А., 2024
Данная публикация лицензируется соответственно условиям лицензии Creative Commons Attribution-Sharealike 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/legalcode.ru

ны интересов слабой стороны: нормы ст. 428 Гражданского кодекса Российской Федерации формируют дефиницию и критерии слабой стороны. Помимо этого, в статье доказано, что технические средства, нейросети, инструменты LegalTech могут быть использованы в целях создания новых механизмов охраны законных интересов слабой стороны.

Ключевые слова

слабая сторона; договорное право; свобода договора; добросовестность; цифровое право; цифровые права; криптовалюта; миноритарии.

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-01055, https://rscf.ru/project/23-78-01055/

Для цитирования: Волос А.А. Категория «слабая сторона гражданского правоотношения» в условиях цифровизации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Том 17. № 3. С. 84–105. DOI:10.17323/2072-8166.2024.3.84.105

Research article

Concept of Weak Party in Civil Matter in Context of Digitalization

Aleksei A. Volos

National Research University Higher School of Economics, 20 Myasnitskaya Str., Moscow 101000, Russia,
volosalexey@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-5951-1479.

Abstract

The article is devoted to key issues connected with qualification of subject in civil relation as a weak party. According to the author's aim it is chosen the situation when the subject uses the digital technologies for the purpose of forming, changing, termination of civil rights and duties. It is considered how we can use the methodological decisions of the issue connected with the definition of the category "weak party in civil relation". It can be significant in order to understand the directions of effective protection of weak party in civil relation under the circumstances of digitalization. The purpose of the research is to examine the features of the category "weak party of civil relation" and its transformation in the case of the digital transformation in society. To achieve the purpose the author in the first part of the research studies the general issues of the theory of weak party in civil relation. The second part of the article is connected with the unique features of weak party in civil relation in the case of the digitalization. Then it is discussed the issue arising from the protecting weak party's interests in several cases connected with digital sphere (digital rights, digital assets, corporate relations, intellectual property). It was concluded the weak party's essence and features should not be determined by the criteria of the legal status. The weakness of a party is the result of the difficulty of the

specific rights' exercising or of the several rights' exercising in certain civil relation. The author's point is than the basis of weak party protection in digital sphere is the criteria of transparency. It is meant than the procedure of contractual concluding and executing, the public offer's content, possible mechanisms of termination should be open and understandable ones. Moreover, any participant in the relation should have access to all the information required by a specific agreement. Also, according to the author's point, the rules of adhesion contract have a special purpose. It has a sense to use the Article 428 of the Civil Code of Russia for clearing definition and criteria of weak party. The most useful instruments of weak party protection are the rules of norms interpretation and the rules of contractual interpretation.

Keywords

weak party; contract law; freedom of contract; good faith; digital law; digital rights; cryptocurrency; minority shareholders.

***Acknowledgments*:** The study was carried out with the financial support of a grant from the Russian Science Foundation № 23-78-01055, https://rscf.ru/project/23-78-01055/

For citation: Volos A.A. (2024) Concept of Weak Party in Civil Matter in Context of Digitalization. *Law. Journal of the Higher School of Economics,* vol. 17, no. 3, pp. 84–105 (in Russ.) DOI:10.17323/2072-8166.2024.3.84.105

Введение

Проблемы защиты прав и законных интересов слабой стороны гражданского правоотношения давно находятся в центре внимания различных исследований. Фактически начало дискуссии было положено в 1999 году Конституционным Судом Российской Федерации (далее — КС РФ; КС), который сделал вывод, что граждане-вкладчики являются слабой стороной в отношениях с банком[1]. После этого появилось большое количество работ, в которых изучались понятие, признаки, меры охраны слабой стороны. В настоящее время заявленная тематика приобретает особую значимость.

Во-первых, и теории, и практике непонятно признание слабой стороны в предпринимательской сфере. Тот факт, что не только гражданин-потребитель, но и субъект B2B-сектора может выступать слабой стороной, общепризнан на уровне высших судов[2], но критерии квалификации в последнем случае вызывают вопросы правоприменителя. Так, сегодня немаловажным направлением стала охрана интересов индивидуальных предпринимателей, использующих платформы элек-

[1] См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23.02.1999 г. № 4-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 1999. № 3.

[2] См., напр.: Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14.03.2014 № 16 // Вестник ВАС РФ. 2014. № 5.

тронной коммерции в качестве средства осуществления своей деятельности. Платформы, в частности, маркетплейсы, имеют очевидную возможность навязывания невыгодных договорных условий контрагентам.

Во-вторых, в условиях цифровизации имеет интерес формирование критериев недобросовестного осуществления гражданских прав в Интернете. Злоупотребления, связанные с использованием современных технологий, приводят к нарушению прав некоторых наименее защищенных категорий граждан и предпринимателей: создаются новые способы воздействия на субъектов, в том числе в целях склонения к заключению договоров.

Разумеется, не во всех случаях, связанных с вышеуказанными, слабой стороне гражданского правоотношения должна предоставляться безальтернативная защита, скажем, путем права на свободный выход из договора. Однако решение ряда проблем видится через принципы гражданского права, в том числе с использованием категории «слабая сторона».

Приведем два примера, иллюстрирующих актуальность заявленной темы. Все более популярной становится точка зрения, что субъекты, использующие смарт-контракт в качестве инструмента автоматического исполнения своих обязательств, не могут защищать в судебном порядке свои права, возникающие из такого договора. Стороны конклюдентными действиями отказываются от права на судебную защиту и могут претендовать лишь на рассмотрение потенциального спора на специальной онлайн-площадке. Делается прямой акцент на том, что никакие правила о слабой стороне не могут быть применены к таким отношениям[3]. Но при этом упускается из виду, что смарт-контракт — это особая технология, специфический способ реализации прав и исполнения обязанностей. Исходя из свободы договора, стороны могут договориться, что смарт-контракт выполняет функции письменной формы договора [Kaulartz M., Heckmann J., 2016: 622]. Однако то, что лишь сам факт использования какого-либо оборудования, пусть даже обладающего уникальными характеристиками, должен приводить к автоматическому отказу от применения принципов частного права при споре между сторонами—очень сомнительный вывод, противоречащий фундаментальным цивилистическим понятиям.

Так, блокчейн на первый взгляд выглядит альтернативной моделью обеспечения легитимности государственных органов, но при ближай-

[3] Так, например, в рамках круглого стола «Блокчейн в праве: метод, форма сделки или отношение?» в НИУ ВШЭ Р.М. Янковский, говоря о смарт-контрактах на блокчейне, отметил, что к ним не применимы подходы, связанные со слабой стороной договора. Available at: URL: https://vk.com/vaalawyer?w=wall26237917_2307%2Fall (дата обращения: 04.03.2024)

шем рассмотрении создается впечатление, что это всего лишь новая технология, которая выводит проблемы регулирования отношений на новый уровень [Kasl F., 2018: 15].

Другой вопрос связан с обсуждением планируемого специального правового регулирования маркетплейсов[4]. На данный момент имеется проект закона, который еще предстоит обсуждать, в том числе на предмет возможных коллизий с иным законодательством (Гражданским кодексом Российской Федерации (далее — ГК РФ; ГК)[5], Законом РФ «О защите прав потребителей»[6] и др.). Представители онлайн-площадок предлагают собственное видение перспектив развития законодательства в данной сфере, к примеру, постулирование клиентоориентированности в качестве принципа регулирования рассматриваемых отношений. Однако данная категория является экономической и она не в полной мере корреспондирует принципу защиты слабой стороны в гражданском правоотношении. Именно последний должен оставаться принципом регулирования частного права, а не экономические категории.

В рамках настоящей статьи предпринята попытка разрешения проблемы трансформации научных представлений о категории «слабая сторона гражданского правоотношения» (ее сущности, признаках, механизмах охраны прав и законных интересов) в условиях цифровизации общества. Автор ставит целью рассмотреть отдельные виды правоотношений, прежде всего те, в которых цифровая трансформация проявляется наиболее явно ввиду экономической специфики, позитивного законодательства и судебной практики, формирования деловых традиций и других критериев: сделки по поводу цифровых прав и иных активов, корпоративные отношения, отношения по поводу объектов интеллектуальной собственности.

1. Общие вопросы понимания слабой стороны

Что такое — слабая сторона, каковы перспективы применения указанной категории в современной практике? Приходится признать, что существование обсуждаемого концепта в цивилистической теории вызывает споры. Большое количество ученых и практикующих юристов

[4] См.: На факультете права прошел круглый стол «Перспективы законодательного регулирования электронной торговли и маркетплейсов». Available at: URL: https://pravo.hse.ru/news/896639856.html (дата обращения: 04.03.2024)

[5] См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

[6] См.: Закон РФ 07.12.1992 «О защите прав потребителей» № 2300-1 // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 140.

относятся к этой идее скептически. В частности, идея защиты слабой стороны традиционно встречает активное противодействие в теории английского контрактного права [O`Sullivan J., Hillard J., 2016: 5].

Основные аргументы, позволяющие сомневаться в необходимости защиты слабой стороны нормами частного права, сводятся к следующему. Во-первых, существование самой категории входит в формальное противоречие с принципом юридического равенства субъектов частноправовых отношений, предполагающего прежде всего равенство их правового статуса и начального положения.

Во-вторых, особенности формирования дефиниции слабой стороны в теории привели к тому, что ее применение стало расширяться, понятию потенциально могут соответствовать самые разные участники гражданского оборота. Если раньше к традиционным примерам слабой стороны относили граждан-потребителей и работников по трудовому договору, то затем стали говорить о субъекте малого предпринимательства. Сейчас в зависимости от того или иного критерия отнести к слабой стороне можно значительное количество участников оборота. Так, в одном из судебных дел обсуждались перспективы признания слабой стороной крупной нефтяной компании, поскольку последняя не являлась профессиональным участником спорных правоотношений[7]. В связи с этим концепция, изначально подразумевающая направленность на охрану наименее защищенных субъектов, причем только в исключительных случаях, может стать излишне широкой и личностной, привязанной к самым различным физическим и юридическим лицам.

В-третьих, слабая сторона при определенных условиях получает возможность злоупотребления правами. Актуальность приобретают дискуссии о «потребительском терроризме» в B2C-отношениях [Белов В.А., 2021: 22] или использовании миноритариями своего положения при принятии корпорацией решения. Слабая сторона в некоторых случаях становится сильной стороной, способной в свою очередь навязывать условия контрагенту.

В-четвертых, в ряде правоотношений не совсем ясно, какой субъект является слабой стороной. Так, в договорах перевозки пассажира потребитель — слабая сторона в силу своего статуса. Вместе с тем законодатель дополнительно предоставляет особые права перевозчику, так как его деятельность связана с особыми условиями (вспомним о специфике регулирования воздушных или морских перевозок).

Заслуживают внимания некоторые из аргументов С.В. Третьякова, обсуждавшего научные взгляды Р. Хейла. Последний доказывал, что в

[7] См.: Дело А40-3903/2017. Available at: URL: https://kad.arbitr.ru/Card/cbc16d5e-6662-49e4-99c4-bff4952e3451 (дата обращения: 06.03.2024)

любом гражданском отношении есть элемент принуждения. Из этого вытекает, что «все время будет риск того, что экономически более сильная сторона будет принуждать экономически более слабую сторону в невыгодному для последнего выбору». Поэтому правопорядку следует делегировать широкие возможности вмешиваться в эти отношения. Однако такая трактовка функций публичной власти не оставляет места автономии воли, на которой зиждется частное право [Третьяков С.В., 2022: 309–310].

Закономерный вопрос: могут ли приведенные доводы рассматриваться в качестве опровергающих идею необходимости защиты слабой стороны гражданского правоотношения? Сразу следует дать отрицательный ответ, потому что в законодательстве последовательно реализуются нормы, направленные на создание дополнительных механизмов охраны законных интересов слабой стороны [Карапетов А.Г., 2020: 92], т.е. формальных оснований отказа от рассматриваемой концепции нет.

При этом общетеоретические построения о слабой стороне должны быть уточнены в целях преодоления фундаментальных проблем, о которых сказано выше. Так, стоит разобраться в понятии и основных признаках слабой стороны. Ее традиционно выявляют в правоотношениях и связывают с правовым статусом: потребителя, субъекта малого предпринимательства, работника, беременной женщины и т.п. Такие строгие теоретические рассуждения приводят к ряду логических противоречий. Например, исключительно по формальным основаниям трудно назвать работника по сравнению с работодателем слабой стороной, ведь с точки зрения объема прав и обязанностей правовой статус работника существенно выгоднее. Ясно, что работодатель имеет возможность экономического, организационного, психологического воздействия на работника, но в таком случае понятие слабой стороны становится уже не в полной мере юридическим, поскольку базируется не на правовых, а на иных основаниях.

Таким образом, сущность и признаки слабой стороны должны предопределяться иным критерием, отличным от специфики статуса. Так, участники правоотношения осуществляют различные права и исполняют ряд обязанностей. Далеко не всегда одна и та же сторона является слабой применительно к осуществлению всех субъективных прав и исполнению различных обязанностей по сравнению с контрагентом. Так, не стоит в любых случаях презюмировать слабость потребителя по поводу исполнения им обязанностей по принятию товара или его оплаты. Здесь слабость потребителя связана не с конкретным субъективным правом, а с ограничением права на выбор способа исполнения договорного обязательства. Законодатель устанавливает порядок и процедурные особенности исполнения этой обязанности, например, обязан-

ность контрагента потребителя нести риски, связанные с получением денежных средств, переведенных онлайн, но это не означает, что потребитель выступает в этом случае слабой стороной. Другое дело, когда речь идет об исполнении информационных обязанностей. Потребитель не может иметь всей информации о товаре, его качестве, о продавце и изготовителе, не обязан выступать в качестве эксперта по приобретаемому товару, поэтому и должен быть признан слабой стороной.

Из этого стоит заключить, что для нивелирования противоречий, возникающих в теории гражданского права в связи с изучаемой категорией, следует придерживаться мнения, что сторона является слабой не в силу своего статуса, а в силу затрудненности осуществления отдельных прав и исполнения ряда обязанностей. Это, в частности, решает проблему соотношения с принципом юридического равенства, ведь при таком подходе сохраняется презумпция равного положения и правового статуса субъектов.

Кроме того, приведенные рассуждения могут быть базисом последующих дискуссий о потребительском терроризме. Если презюмировать, что потребители являются слабой стороной только в связи с осуществлением отдельных субъективных прав и исполнением ряда обязанностей, допускается ситуация, при которой потребитель злоупотребляет своими правами. Правда, данный факт подлежит доказыванию лицом, ссылающимся на недобросовестность. Так, по одному из дел Верховный Суд Российской Федерации (далее — ВС РФ; ВС) подчеркнул, что продавец, сформировавший и разместивший на своем сайте публичную оферту, не вправе ссылаться на технический сбой[8].

С точки зрения защиты слабой стороны с подобным решением следует согласиться, однако стоит добавить, что факт ссылки на технический сбой не должен исключать возможности ссылки на недобросовестность потребителя, например, когда последний в установленной обычаем форме (в данном кейсе: на главной странице сайта) был заранее извещен о техническом сбое. Показательно, что применительно к отношениям в цифровой среде по японскому законодательству, а также праву других азиатских стран высказывалось мнение Такигавы (Takigawa), что защита потребителей не должна быть безгранична. Приводится пример злоупотребления потребителями своими правами путем подключения к нескольким сетям (multihoming) [Kono T., 2021: 17].

Еще одной иллюстрацией сказанного является ситуация, когда в договорах присутствует процессуальный момент: в пользовательских со-

[8] См.: Определение Верховного Суда Российской Федерации от 05.12.2023 № 82-КГ23-5-К7 // Документ опубликован не был // СПС Консультант Плюс.

глашениях нередко содержатся правила, похожие на арбитражную оговорку или досудебный порядок (обязательный онлайн-арбитраж или рассмотрение споров на той же самой платформе, где заключен договор). Сам по себе факт включения подобного условия в соглашение, заключаемое в Интернете, не должен рассматриваться в качестве нарушающего права и законные интересы слабой стороны. Последняя должна иметь возможность ознакомится с условиями и понять их. В частности, изучив дизайн и соответствующий интерфейс интернет-сайта, в том числе на наличие отвлекающих факторов, можно сказать, действительно ли согласие, сделанное проставлением галочки в специальной форме, было добровольным.

2. Специфика защиты слабой стороны в цифровой среде

Онлайн-пространство, используемое в качестве особого способа осуществления прав и исполнения обязанностей, не только упрощает деятельность участников гражданского оборота, но и создает дополнительные риски, вызванные вероятностью технических сбоев. Ю.С. Овчинникова, рассматривающая проблемы защиты слабой стороны в сфере страхования в связи с ее цифровизацией, раскрывает вопросы определения состава сведений, содержащихся в информационной системе, применения таких систем для разных видов страхования, охраны частной жизни [Овчинникова Ю.С., 2022: 74-76]. Можно предположить, что заявленные аспекты актуальны не только для сферы страхования в части прежде всего сообщения пользователям информационных систем полной и достоверной информации или защиты их персональных данных в цифровой среде.

Правомерен вопрос, не предрешает ли обращение субъекта в юридических целях к цифровой среде автоматические признание за ним черт слабой стороны. Напрашивается гипотеза, что незнание неординарных технических средств или неизбежность обладания специальными знаниями и навыками становятся характерными признаками слабой стороны в таких правоотношениях. Из этого следует вывод: лица, которым требуется помощь в применении технических средств, например, при заключении договора, должны иметь право на получение такого содействия. Сказанное касается ситуаций, когда государство в императивном порядке решает, что установленные им инструменты обязательны для осуществления определенных прав и исполнения обязанностей.

Частным случаем «технической слабости» является так называемая проблема фактической доступности к договору. Ее суть заключается в

том, что субъект, присоединяющийся к стандартным договорным условиям, размещенным в Интернете, не только не может влиять на их содержание, но и нередко становится заложником ситуации, при которой доказывание этого содержания при наличии спора в дальнейшем во многом зависит от сильной стороны — субъекта, разместившего условия. Слабая сторона при этом не всегда защищена от действий контрагента по недобросовестному внесению в форму выгодных последнему изменений после заключения договора, в частности, когда пользователь интернет-платформы не получил по электронной почте копии заключенного им договора [Кузьмина А.В., 2019: 717]. Решение видится в распространении на уровне закона или судебной практики подхода, что субъект, разместивший в цифровой среде публичной оферты, стандартных договорных условий и пр., несет риски, связанные с невозможностью копирования или трудностью понимания таких условий. Предложенный вывод следует из принципов договорного права и правил о договоре присоединения.

Приведенные соображения вытекают из сущности категории «слабая сторона гражданского правоотношения», не формируя ее каких-либо уникальных характеристик. Вместе с тем дальнейшие рассуждения позволяют выявить ряд особенностей слабой стороны, использующие цифровые технологии. Так, применение технических средств одной из сторон правоотношения (например, банком при выделении кредита) безапелляционно не означает, что ее контрагент — слабая сторона. Однако в ряде случаев такое решение должно презюмироваться, в частности, если один из участников сделки имеет возможность использования технических средств и различных инструментов в онлайн-пространстве в целях ослабления позиции другой стороны (употребление особых шрифтов на сайте, всплывающих окон, особой яркости или цветовой гаммы и пр.).

В такой ситуации важно, чтобы лицо, заключающее договор в онлайн-пространстве или использующее технические средства для исполнения обязательств, имело способность реализовать право на ознакомление с условиями соглашения и понимание юридических последствий своих действий. Формально такой вывод основывается на неоднократно выраженной позиции Верховного Суда России: слабой стороной является субъект, который «не имеет возможности активно и беспрепятственно участвовать в согласовании условий договора на стадии его заключения»[9]. Показательно, что в развитых правопорядках уже давно

[9] См., напр.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 18.10.2023 № 305-ЭС23-8962 по делу № А40-33927/2022 // Документ опубликован не был // СПС Консультант Плюс.

сложилась судебная практика, при которой что слабость стороны может заключаться в ее собственной небрежности и неосмотрительности [Zimmermann D., 2014: 74].

Таким образом, для реализации концепции защиты слабой стороны договора, заключаемого в онлайн-пространстве или исполняемого посредством цифровых технологий, правилен следующий путь рассуждений: презюмируется слабость того субъекта, который использует специальное приложение или интернет-сайт. Такой подход будет стимулировать защиту прав граждан и предпринимателей, использующих онлайн-ресурсы. Также решаются и иные затруднения, что выступает дополнительными политико-правовыми основаниями ограничения свободы договора в рассматриваемой ситуации: а) гарантирование защиты добросовестных пользователей Интернета; б) стимулирование таких действий «сильного субъекта» стороны, которые нивелировали бы правовые и технические риски (полное раскрытие информацию, контроль за программой и компьютерным кодом, регулярная работа по устранению багов и т.д.).

Еще одним направлением гарантий механизма охраны интересов слабой стороны в онлайн-пространстве должен стать критерий транспарентности, заключающийся в том, что порядок заключения и исполнения договоров, содержание публичных оферт, возможные механизмы расторжения и прекращения договорных отношений должны быть открыты и понятны. Любой участник таких отношений должен иметь доступ к необходимой по договору информации. Обеспечить транспарентость для развития указанной категории правоотношений легко ввиду открытости Интернета.

Приведенная выше авторская точка зрения может вызывать дискуссии, далеко не все юристы в России и за рубежом в целом поддерживают идею защиты слабой стороны в цифровой среде. Так, обозначенная проблема ставилась применительно к смарт-контрактам. Утверждалось, что охрана слабой стороны не в полной мере соответствует данной компьютерной программе [Schönfeld C., 2018: 25]. Выполнение кода со стороны последней может привести к созданию обстоятельств, которые наносят ущерб слабой стороне, что не является нарушением договора, ведь стороны согласились с тем, чтобы исполнение было автоматическим и именно таким, каким оно было запрограммировано в коде [Cutts T., 2019: 436].

Подобные умозрительные рассуждения до сих пор не в полной мере подтвердились на практике. Суды различных государств пока не признавали, что использование технических средств или технологии смарт-контракта должно приводить к отказу в дополнительной защите

слабой стороне. Наоборот, правоприменитель требует у сильной стороны повышенного внимания при внедрении в ее деятельность автоматизированных систем, основанных на компьютерном коде. Например, при рассмотрении споров об оспаривании выдачи дистанционного кредита в связи с мошенничеством особого внимания требует исследование добросовестности и осмотрительности банков при оформлении кредита через приложение[10]. Таким образом, пока не подтверждена теория, что распространение определенных технических средств должно приводить к отказу от применения доктрины защиты слабой стороны гражданского правоотношения.

В ряде исследований акцент делается не на необходимости создания механизмов защиты слабой стороны в цифровой среде, а наоборот — на том, что современные технологии есть гарант прав такого субъекта. Так, утверждается, что программное обеспечение нередко помогает более слабой стороне в том плане, что благодаря технологиям автоматически выделяется соответствующая информация, обращается внимание на конкретные положения договора, есть возможность сопоставлять различные условия или давать простые или расширенные пояснения. Также технически удобнее сделать наглядной информацию о контрагенте, разместить иные обязательные сведения, предусмотренные законодательством, в том числе законодательством о защите прав потребителей. Приходят и к такому выводу: сведения, могущие быть собранными специальным программным обеспечением, открывают новые возможности в изучении договорных отношений, а значит, могут быть использованы в целях выявления новых критериев определения слабой стороны или не выявленных ранее несправедливых договорных условий [Ebers M., Poncibo C., Zou M., 2022: 95–96].

Похожие аргументы высказаны применительно к онлайн-правосудию и свободному доступу в нему различных категорий субъектов. Есть мнение, что в цифровой среде обеспечивается улучшенный доступ к правосудию за счет того, что более слабая сторона в споре получает возможность получать соответствующую юридическую информацию и консультации. Тем самым устраняется дисбаланс сил и увеличивается возможность справедливого урегулирования [Sourdin T., 2021: 175].

Следует согласиться с указанными выше примерами и с тем, что технические средства, нейросети, а также инструменты LegalTech могут быть с пользой применены в целях создания новых механизмов охраны законных интересов слабой стороны договорных отношений. При

[10] См.: Определение Верховного Суда Российской Федерации от 28.11.2023 № 67-КГ23-14-К8 // Документ опубликован не был // СПС Консультант Плюс.

этом, как видно из приведенных выше модельных ситуаций, многое будет зависеть от того, что изначально заложено в компьютерный код программы. Это нередко находится в ведении сильной стороны договорного правоотношения, что также необходимо иметь ввиду, в частности, в процессе совершенствования законодательства и установления ограничений деятельности некоторых субъектов (речь идет, к примеру, о маркетплейсах, агрегаторах и пр.).

3. Слабая сторона в сделках по поводу цифровых прав и иных цифровых активов

В России среди договоров, совершаемых с использованием цифровых технологий, выделяются сделки по поводу цифровых прав ввиду наличия для таковых позитивного правового регулирования. Далеко не факт, что сделки рассматриваемой группы станут частыми в деловой практике, однако применение специального законодательства, а также попытки ряда участников рынка цифровых активов выстроить деятельность в соответствии с установленными государством правилами создают благоприятную почву для научного осмысления и формирования обоснованного понимания тенденций развития права в рассматриваемой сфере.

Гражданский кодекс в ст. 141.1 и отдельные федеральные законы, регулирующие оборот цифровых прав, дают только общее фрагментарное понятие о том, как же происходит осуществление цифровыми правами и, соответственно, как совершаются сделки по поводу этого объекта. При этом закон делает отсылку к правилам информационных систем, так как особенности распоряжения цифровыми правами и порядок совершения действий обладателя ими имеют существенные технические особенности, которые вряд ли следует указывать в законодательстве. Вполне логично для этих целей ограничиться локальными актами. Вместе с тем субъекты должны иметь возможность знакомиться с этими правилами, чтобы понимать техническую, экономическую и юридическую специфику совершения сделок с цифровыми активами, а также оценивать соответствующие риски. Этот аспект проблемы нивелируется тем, что правила информационных систем утверждаются Банком России и размещаются на его сайте.

Разумеется, ряд условий таких соглашений еще предстоит рассмотреть с точки зрения их толкования в совокупности с положениями действующего законодательства. Так, согласно Правилам информационной системы Сбера (п. 1.8), пользователь подтверждает, что «Правила не лишают Пользователя прав, обычно предоставляемых по договорам

такого вида, и не содержат явно обременительные для Пользователя условия, которые бы Пользователь, исходя из своих разумно понимаемых интересов, не принял бы при наличии у него возможности участвовать в определении содержания Правил»[11]. Приведенное положение может создать ложное впечатление о том, что пользователь при заключении подобного соглашения признает отсутствие в нем явно обременительных условий и отказывается от применения в будущем для защиты своих прав норм о договоре присоединения (ст. 428 ГК).

Однако, как следует из норм указанной статьи, а также из судебной практики вопрос об обременительности договорного условия разрешается на момент появления спора между субъектами. Вряд ли субъект, заключая договор присоединения (очевидно, именно таковым является соглашение, заключенное путем принятия Правил информационной системы Сбера), может оказаться от потенциального применения механизмов защиты, предусмотренных ст. 428.

Как указано применительно к спорам с участием предпринимателей в п. 9 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (далее — ВАС РФ; ВАС) «О свободе договора и ее пределах», «при заключении договора, проект которого был предложен одной из сторон и содержал в себе условия, являющиеся явно обременительными для ее контрагента и существенным образом нарушающие баланс интересов сторон (несправедливые договорные условия), а контрагент был поставлен в положение, затрудняющее согласование иного содержания отдельных условий договора (то есть оказался слабой стороной договора), суд вправе применить к такому договору положения пункта 2 статьи 428 ГК о договорах присоединения, изменив или расторгнув соответствующий договор по требованию такого контрагента»[12].

Поскольку имеются все названные ВАС признаки несправедливых договорных условий, процитированное правило п. 1.8 Правила информационной системы Сбера не только не может являться допустимым, но и должно рассматриваться в качестве явно обременительного и лишающего пользователя прав, обычно предоставляемых по договорам такого вида. Таким образом, не обсуждая проблему соответствия закону всех правил информационных систем, принятых в России в соответствии с требованиями об обороте цифровых прав, целесообразно отме-

[11] См.: Правила информационной системы Сбера, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов. Available at: URL: https://cbr.ru/vfs/finm_infrastructure/ois/rules/rules_sber_17032022.pdf (дата обращения: 08.03.2024)

[12] См.: Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах» // Вестник ВАС РФ. 2014. № 5.

тить, что традиционные механизмы охраны прав и законных интересов слабой стороны, связанные с применением норм статьи 428, должны оставаться действенными.

Правда, в доктрине выдвинуто обоснованное суждение: меры защиты, предусмотренные статьей 428, не являются эффективными в принципе. На практике более действенными механизмами охраны законных интересов слабой стороны являются инструменты, предусмотренные другими нормами законодательства, прежде всего ст. 10 ГК [Церковников М.А., 2021: 42–47]. Впрочем, автору настоящих строк данная ситуация не видится критической, так как охрана интересов слабой стороны договора изначально осуществляется различными механизмами, среди которых положения ст. 428 не являются важнейшими. Роль нормы ст. 428 следует искать прежде всего, в другом: в формировании дефиниции и критериев слабой стороне.

Среди важнейших инструментов защиты прав слабой стороны фигурируют институт толкования норм законодательства в качестве императивных и диспозитивных, а также правила толкования договора. В первом случае есть возможность толкования норм законодательства в качестве императивных, если это необходимо для защиты слабой стороны[13]. Во втором случае суд вправе при толковании договора принять во внимание принцип добросовестного осуществления правом или применить contra proferentem[14], опять же защитив именно слабую сторону договорного правоотношения.

Примером такой ситуации может быть кейс со включением в проект договора с потребителем или предпринимателем, который не может влиять на текст соглашения, третейской оговорки. Суды в таких случаях вправе интерпретировать данную оговорку как оставляющую право слабой стороне право выбрать, обращаться ли ей в третейский суд или государственный суд. При этом не стоит понимать такое соглашение в качестве ограничивающего право потребителя на обращение в суд. Данный пример интересен тем, что все чаще в пользовательские соглашения, опосредующие отношения в цифровой среде, включаются правила, которые вполне могут рассматриваться в качестве третейской оговорки и предполагающие обязательное рассмотрение потенциальных споров на той же самой или иной цифровой платформе, но не в суде.

---

[13] См., напр.: п. 3 Постановления Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» // Вестник ВАС РФ. 2014. № 5.

[14] См., напр.: п. 43 Постановления Пленума ВС РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 2.

Значительно менее однозначно складывается ситуация с цифровыми активами, которые не являются цифровыми правами. Согласно прямому указанию ст. 141.1 Гражданского кодекса, цифровые права — такие объекты, которые должны быть прямо поименованы в законе (на данный момент речь идет только о цифровых финансовых активах и утилитарных цифровых правах). Однако в экономический оборот вовлечены и иные цифровые активы: криптовалюты, аккаунты в социальной сети или компьютерных играх, внутриигровое имущество, цифровые баллы и т.п. Есть сразу несколько вариантов, при которых указанные активы следовало бы признать объектом гражданских прав, в частности, через отнесение их к категории «иное имущество» по смыслу ст. 128 ГК или (путем применения аналогии закона) и ст. 141.1.

Другой вариант включает отказ в судебной защите и рассмотрение обязательств по передаче таких цифровых активов до создания для них специального режима исключительно в качестве натуральных [Суханов Е.А., 2021: 21]. Последний тезис может быть полезным для переходного периода, во время формирования законодательства и государственной политики в сфере оборота цифровых активов. Однако в законе стоит прямо указать, какие обязательства являются натуральными и по каким стороны не могут претендовать на судебную защиту своих прав. Иначе будут основания для признания договоров по поводу цифровых активов в качестве непоименованных, поскольку они не нарушают императивно установленных законодательством запретов.

Судебная практика России не сформировала единообразного подхода к разрешению такого рода споров. Так, были решения, по которым криптовалюта признавалась имуществом[15], но чаще суды отказывают в удовлетворении требований по поводу нее[16].

В связи со сказанным актуальной для решения вопроса о защите слабой стороны гражданского правоотношения может стать проблема соотношения ex post контроля и ex ante контроля содержания договорных условий именно для цифровой среды. Ex ante контроль эффективен для таких договорных конструкций, которые уже сложились в теории, практике и законодательстве. Другое дело — соглашения в цифровой среде, юридическая практика по которым только формируется. Вряд ли суды должны абстрагироваться от этого процесса. Следовательно, примени-

[15] См., напр.: Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 30.06.2021 № 88-10336/2021 // Документ опубликован не был // СПС Консультант Плюс.

[16] См., напр.: Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.12.2022 № 09АП-82136/2022 по делу № А40-243242/2021 // Документ опубликован не был // СПС Консультант Плюс.

тельно к аспектам защиты слабой стороны в сделках по поводу цифровых прав и иных цифровых активов есть большие практические перспективы ex post контроля. Основанием для такого вывода является прежде всего изменчивость, быстрое развитие цифровой среды, за которым законодательство в любом случае не будет успевать. При этом практика (в частности, договорная практика по подготовке различных пользовательских соглашений) пытается соответствовать темпам развития технологий. Таким образом, исключить споры в судах будет невозможно.

4. Слабая сторона в ряде иных отношений в цифровой среде

Среди иных, еще не рассмотренных в настоящей статье отношений, возникающих в цифровой среде, полезно выделить корпоративные и отношения по поводу объектов интеллектуальной собственности. Прежде всего теоретический вопрос: насколько правильно выделять в них слабую сторону? Интуитивно чувствуется, что слабая сторона в этих отношениях присутствует. Ею, видимо, должен презюмироваться, например, миноритарий в корпоративных отношениях, автор в договоре авторского заказа, работник при создании служебного произведения. Как будто бы в подтверждение сказанного даже можно найти примеры из судебной практики. Так, Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал, что миноритарии являются слабой стороной корпоративных отношений[17].

Действительно, традиционно в качестве слабой стороны корпоративных отношений называются миноритарии, противостоящие сильной стороне — мажоритариям. При этом использование цифровых технологий в различных исследованиях, а также в документах Банка России последних лет рассматривается как раз в качестве уникального механизма охраны прав и интересов миноритариев, которые благодаря новым техническим средствам получают больше возможностей вовлечения в процессы управления корпорацией [Габов А.В., 2021: 54]. Как сказано выше, не следует безоговорочно отождествлять миноритариев со слабой сторон корпоративного правоотношения. Эти рассуждения вполне соответствуют последним научным исследованиям, в которых доказано, что слабость

[17] См., напр.: Постановление Конституционного Суда РФ от 28.01.2010 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца второго пункта 3 и пункта 4 статьи 44 Федерального закона «Об акционерных обществах» в связи с жалобами открытых акционерных обществ «Газпром», «Газпром нефть», «Оренбургнефть» и Акционерного коммерческого Сберегательного банка Российской Федерации (ОАО)» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2010. № 3.

субъекта есть опровержимая в определенных обстоятельствах презумпция [Гуляева О.Н., 2023: 17]. Фактически на сильную сторону смещается бремя доказывания, для нее также устанавливаются повышенные стандарты доказывания [Бакулин А.Ф., Кузьмина А.В., 2020: 204].

Этот правильный по сути вывод следует дополнить тезисом: не стоит связывать слабость субъекта исключительно с правовым статусом (в рассматриваемой ситуации — со статусом миноритария или мажоритария). Применительно к рассматриваемому вопросу «слабость» миноритария может быть выражена, к примеру, в трудной для субъекта процедуре осуществления своего права посредством голосования на блокчейне. Такая «слабость» может быть нивелирована сообщением необходимой информации, а также технической консультацией.

Следует оговориться, что некоторые из положительных особенностей блокчейна для целей голосования участников юридического лица могут иметь и обратный результат. Например, быстрое голосование, происходящее при использовании современных технологий, не всегда оправдывает себя. Ведь менеджеры могут использовать технологии для ускорения голосования, манипулируя акционерами и злоупотребляя их рациональным использованием [Nord S.J., 2019: 756]. Получается, что лицо, не имеющее времени на обдумывание решения, является слабой стороной. Правда, деятельность корпоративных участников подразумевает профессионализм, самостоятельную оценку рисков. Вопрос о том, сразу же голосовать или взять время на размышление, должен оставаться за участником корпорации вне зависимости от способа голосования.

Несколько слов про слабую сторону в отношениях по поводу объектов интеллектуальной собственности. Этот вопрос в доктрине мало изучен. Видимо, прежде всего из-за того, что в таких отношениях субъект, который является слабой стороной, не очевиден. Так, невозможно говорить о каком-либо «математическом» равенстве в отношениях заказчик/автор по договору авторского заказа. Однако «выравнивание» субъектов, известное, например, законодательству о защите прав потребителей, тут также неуместно, так как невозможно в точности выявить «сильную» и «слабую» сторону. Следует говорить, что в данной ситуации по разным критериям указанных субъектов можно было бы признать «слабыми». Например, заказчик может быть экономически более «сильной» стороной, но для реализации своих интересов в большой степени зависеть от того, какой результат авторского труда будет создан (и будет ли вообще создан) другой стороной.

В целом в дихотомии «сильная сторона»/«слабая сторона» применительно как к корпоративным отношениям, так и отношениям по поводу объектов интеллектуальной собственности, сила или слабость просле-

живается в ситуациях, в которых присутствует договор между такими субъектами. По общему правилу не следует в этих сферах давать дополнительные права и возможности слабой стороне, так как ее выявление здесь — исключение из общего правила. Другое дело, что всем субъектам гражданского оборота в цифровой среде важно поставлять традиционно необходимое, а именно — полную информацию о потенциальных сделках и контрагентах, об объектах, по поводу которых могут возникнуть отношения, а также о специфике используемых технологий.

Заключение

Как показано выше, в теоретических исследованиях следует уточнить понятие слабой стороны гражданского правоотношения. Только методологически точная интерпретация данной категории окажет должное влияние на практику в виде создания механизмов соблюдения баланса интересов участников гражданского правоотношения. Это важно прежде всего в целях должной реализации принципа защиты слабой стороны гражданского правоотношения применительно к новым экономическим и социальным условиям, к созданию инструментов охраны законных интересов субъектов таких отношений, которые ранее не были известны. Так, по поводу договоров, уже давно известных деловой практике, в законодательстве, а также благодаря решениям высших судов, постепенно сложились подходы к гарантированию осуществления прав тех или иных субъектов. Такого, разумеется, нельзя сказать об отношениях, развивающихся в цифровой среде, где правотворчество и правоприменение находятся на стадии формирования.

Сущность и признаки слабой стороны должны предопределяться критериями, отличными от специфики статуса. Слабость субъекта складывается прежде всего из затрудненности осуществления субъективного права или ряда субъективных прав в рамках определенного правоотношения. Применительно к последнему его участники осуществляют различные права и исполняют ряд обязанностей. Далеко не всегда одна и та же сторона является слабой применительно к осуществлению всех субъективных прав и исполнению различных обязанностей по сравнению с контрагентом. В частности, охрана интересов потребителя как слабой стороны не является безграничной.

Основой гарантированности охраны интересов слабой стороны в онлайн-пространстве должен стать критерий транспарентности, заключающийся в том, что порядок заключения и исполнения договоров, содержание публичных оферт, возможные механизмы расторжения и прекращения договорных отношений должны быть открытыми

и понятными; также любой участник таких отношений должен иметь доступ к необходимой по договору информации. Обеспечить транспарентость для развития указанной категории правоотношений нетрудно ввиду открытости Интернета.

Технические средства, нейросети, а также инструменты LegalTech могут быть использованы в целях создания новых механизмов охраны законных интересов слабой стороны договорных отношений. При этом многое будет зависеть от того, что изначально заложено в компьютерный код программы, которая нередко находится в ведении сильной стороны правоотношения. Это необходимо иметь в виду, в частности, в процессе совершенствования законодательства и установления ограничений в деятельности некоторых субъектов.

Список источников

1. Бакулин А.Ф., Кузьмина А.В. Слабая сторона предпринимательского договора: стандарты и бремя доказывания // Вестник гражданского процесса. 2020. № 2. С. 203–250.

2. Белов В.А. Потребительский терроризм: теория и практика. Ч. 1 // Право и экономика. 2021. № 6. С. 22–29.

3. Габов А.В. Электронное взаимодействие и цифровые технологии в корпоративном управлении акционерным обществом в России // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 2. С. 24–64.

4. Гуляева О.Н. Слабая сторона частноправовых отношений: цивилистическое исследование: автореф. дис. … к. ю. н. Ульяновск, 2023. 36 с.

5. Карапетов А.Г. (отв. ред.) Договорное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 420–453 Гражданского кодекса Российской Федерации. М.: Статут, 2020. 1072 с.

6. Кузьмина А.В. Формирование доктрины защиты слабой стороны в договорном праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 46. С. 698–727.

7. Овчинникова Ю.С. Цифровизация страховых услуг: защита слабой стороны договора и частной жизни // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2022. № 3. С. 73–81.

8. Суханов Е.А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // Вестник гражданского права. 2021. Т. 21. № 6. С. 7–29.

9. Третьяков С.В. Развитие учения о субъективном частном праве в зарубежной цивилистике. М.: МГУ, 2022. 608 с.

10. Церковников М.А. О специальной защите слабой стороны в договоре присоединения // Закон. 2021. № 9. С. 42–47.

11. Cutts T. Smart contracts and consumers. West Virginia Law Review, 2019, vol. 122, no. 2, pp. 389–446.

12. Ebers M., Poncibo C., Zou M. (ed.). Contracting and Contract Law in the Age of Artificial Intelligence. Oxford: Bloomsbury, 2022. 328 pp.

13. Kasl F. Blockchain, společenská smlouva digitálního věku? Revue pro právo a technologie, 2018, vol. 17, pp. 3–17.

14. Kaulartz M., Heckmann J. Smart Conrtacts — Anwendugen der Blockchain-Technologie. Computer und Recht, 2016, vol. 32, no. 9, pp. 618–624.

15. Kono T. (ed.). The Digital Economy and Competition Law in Asia. Singapore: Springer, 2021. 224 p.

16. Nord S.J. Blockchain plumbing: a potential solution for shareholder voting? University of Pennsylvania Journal of Business law, 2019, vol. 21, no. 3, pp. 706–756.

17. O`Sullivan J., Hillard J. The Law of Contract. Oxford: University Press, 2016. 504 pp.

18. Schönfeld C. Smart Contracts under Swiss law. The FinTech Edition, 2018. 219 p.

19. Sourdin T. Judges, Technology and Artificial Intelligence. The Artificial Judge. Cheltenham: Edward Elgar, 2021. 320 pp.

20. Zimmermann D. Privatrechts vereinheitlichung in Europa: Das Common European Sales Law und seine Textstufen. Bucerius Law Journal, 2014, November, 497 pp.

References

1. Bakulin A.F., Kuzmina A.V. (2020) Weak Party in Business-to-Business Contract: Standards and Burden of Proof. *Vestnik grazhdanskogo protsessa*=Herald of Civil Procedure, no. 2, pp. 203–250 (in Russ.)

2. Belov V.A. (2021) Consumer Terrorism: Theory and Practice. Part 1. *Pravo i ekonomika*=Law and Economics, no. 6, pp. 22–29 (in Russ.)

3. Cutts T. (2017) Smart contracts and consumers. *West Virginia Law Review*, vol. 122, no. 2, pp. 389–446.

4. Ebers M., Poncibo C., Zou M. (eds.). (2020) Contracting and Contract Law in the Age of Artificial Intelligence. Oxford: Bloomsbury, 328 pp.

5. Gabov A.V. (2021) Electronic Interaction and Digital Technologies in Corporate Governance of a Joint Stock Company in Russia. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*=Law. Journal of the Higher School of Economics, vol. 14, no. 2, pp. 24–64 (in Russ.)

6. Guliaeva O.N. (2023) Weak Party in Civil Matter: Civil Law Study. Candidate of Juridical Sciences Summary. Ulyanovsk, 36 p. (in Russ.)

7. Karapetov A.G. (ed.) (2020) Contract Law (General Part): Article-by-article Commentary to the Civil Code of Russian Federation (Articles 420-453). Moscow: M-Logos, 1425 p. (in Russ.)

8. Kasl F. (2018) Blockchain, společenská smlouva digitálního věku? *Revue pro právo a technologie*, vol. 17, pp. 3–17 (in Czech)

9. Kaulartz M., Heckmann J. (2016) Smart Conrtacts — Anwendugen der Blockchain-Technologie. *Computer und Recht*, vol. 32, no. 9, pp. 618–624 (in German)

10. Kono T. (ed.) (2021) The Digital Economy and Competition Law in Asia. Singapore: Springer, 224 p.

11. Kuzmina A.V. (2019) Protection of the Weaker Party in Contract Law: Formation of the Doctrine. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki*=Perm University Herald. Juridical Sciences, no. 46, pp. 698–727 (in Russ.)

12. Nord S.J. (2019) Blockchain Plumbing: a Potential Solution for Shareholder Voting? *University of Pennsylvania Journal of Business Law*, vol. 21, no. 3, pp. 706–756.

13. O`Sullivan J., Hillard J. (2016) *The Law of Contract.* Oxford: University Press, 504 p.

14. Ovchinnikova Y.S. (2022) Digitalization of Insurance Survices: Protaction of the Weak Side of the Contract and Private Life. *Imushchestvennye otnosheniya v Rossiyskoj Federatcii*=Property Relations in the Russian Federation, no. 3, pp. 73–81 (in Russ.)

15. Schönfeld C. (2018) Smart Contracts under Swiss Law. The FinTech Edition, 219 p.

16. Sourdin T. (2021) *Judges, Technology and Artificial Intelligence. The Artificial Judge.* Cheltenham: Edward Elgar, 320 p.

17. Sukhanov E.A. (2021) On the Civil Nature of "Digital Property". *Vestnik grazhdanskogo pravo*=Civil Law Review, no. 3, pp. 73–81 (in Russ.)

18. Tretyakov S.V. (2022) *The Development of the Doctrine of Subjective Private Rights in Foreign Civil Law.* Moscow: MGU Press, 608 p. (in Russ.)

19. Tserkovnikov M.A. (2021) Special Protection of a Weak Party in Contract of Adhesion. *Zakon*=Law, no. 9, pp. 42–47 (in Russ.)

20. Zimmermann D. (2014) Privatrechtsvereinheitlichung in Europa: Das Common European Sales Law und seine Textstufen. *Bucerius Law Journal*, November, 497 p.

Информация об авторе:

А.А. Волос — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author:

A.A. Volos — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 25.03.2024; одобрена после рецензирования 06.05.2024; принята к публикации 17.06.2024.

The article was submitted to editorial office 25.03.2024; approved after reviewing 06.05.2024; accepted for publication 17.06.2024.